

Андрис
Лиэпа

Быть вторым всегда очень сложно. Не по таланту, не по достижениям, а просто, по рождению. Впереди отец. Всегда. На несколько шагов. И твои победы, и любовь зрителей ничего не значат. Даже если ты знаменитость, в общественном сознании ты все равно — сын знаменитости. Ни больше ни меньше. Андрис Лиэпа — не исключение. Ему в большей степени, чем просто талантливому молодому человеку, пришлось доказывать, что он чего-то стоит в этой жизни. Что он не просто сын знаменитого Мариса Лиэпы. И, что характерно, удалось.

НАСЛЕДНИК

Марис ЛИЭПА:
«Меня не выпускали из страны, потому что я не знал, где «першинги»

БОЛЬШОЙ

Андрису было десять, когда он поступил в хореографическое училище при Большом театре. В восемнадцать его взяли в кордебалет того же театра. Потом — восемь лет работы и ведущие партии. В начале перестройки Лиэпа-младший уехал из СССР в Америку. Обратное Большое принять его отказался.

— Вы стали первым танцором, который перешел из Большого в Мариинский...

— Просто на тот момент Большой был не готов принимать обратно артистов, которые уехали из страны. Я говорил, что могу приехать и танцевать, но в театре этого не захотели. Время такое было. На самом деле я был первым, кто не убежал. Тогда многие артисты из Союза уезжали. Они не хотели бросать свою страну, но им приходилось менять гражданство и становиться предателем родины. Барышников, Нуреев, Макарова — они не могли вернуться назад, только после перестройки.

— Уехать в Америку вас действительно убедил Нуреев?

— Он дал хороший толчок. За восемь лет работы в Большом я станцевал практически весь репертуар, но выходил на сцену не чаще пяти раз в месяц. После встречи с ним я понял, что надо уезжать. Увидел, сколько он успел сделать за двадцать лет работы за границей и как сложно ему было пробиваться здесь, в Москве.

— Я слышала несколько версий причины вашего ухода из АБТ (American Ballet Theatre): вас уволили или из-за прихода нового директора. Какая из них верная?

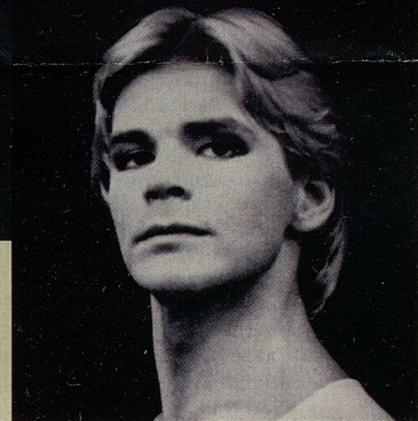
— На самом деле я поступил в АБТ, потому что там директором был Михаил Барышников. И следующий, второй, контракт я подписывал с ним. А потом случилась нештатная ситуация: Барышников посередине года ушел. Естественно, назначили нового директора, против которого я ничего не имел. Но в это время я получил фантастическое приглашение от Олега Виноградова поработать в Ки-

ровском театре. Честно скажу: соблазн был велик. Я поставил на чашу весов еще один благополучный год в АБТ без Барышникова или возвращение на Родину и работу в Мариинке. Свой выбор я сделал.

— Почему Барышников ушел из театра?

— Там были разногласия в менеджменте. Новый финансовый директор уволил первого заместителя Барышникова, не спросив у него. Мне кажется, я бы тоже ушел. Команда не собирается творческим человеком, исходя из каких-то собственных личных позиций. Я, может быть, тоже не был в восторге от этого помощника, но понимал, что Мише с ним удобно работать... С тех пор АБТ пошел на спад. А мы действительно сильно подружились с господином Виноградовым. И следующие постановки, которые я делал — «Жар-птицу», «Шахерезаду», — перенес на сцену Мариинки только потому, что мы нашли с ним общий творческий язык.

— Вы согласны с тем мнением,

что Мариинский театр перехватил пальму первенства у Большого?

— Согласен. Там уникальный главный дирижер, уникальная труппа. Личность руководителя, по моему мнению, играет главенствующую роль. Таганка без Любимова не была бы той Таганкой. Если говорить о труппе Бежара — то если бы не было Бежара, то не было бы и труппы. Театр — это вообще очень сложное заведение. Это государство в государстве.

ОТЕЦ

Марис Лиэпа умер, так и не открыв свой собственный театр. Уже все было готово, и даже объявлен набор в труппу. Увы. Через несколько лет осуществить мечту отца решились Андрис и Илзе. Был создан фонд име-

Мариса Чулукина

Андрис и Катя познакомились в Маринском театре, хотя оба жили в Москве. С тех пор они вместе, даже на сцене. В спектакле "Жар-птица".

ни Мариса Лиелы. В этом году ему исполнилось бы 65. В Большом по этому поводу состоится концерт. Марис Лиела снова вернулся в театр, без которого не представлял себе жизни.

— Андрис, вас не смущает, что вечер памяти отца будет проходить именно в Большом? В театре, который от него отказался.

— Смущает? Наоборот. Жизнь — такая штука непредсказуемая. Я отработал в этом театре 8 лет. Илзе до сих пор там работает. Последние премьеры показывают, что таланты не перевелись. Очень интересные, хорошие спектакли. Это большое счастье и для меня, и для отца, и для любителей балета, что вечер состоится именно там. Наоборот, я всегда говорил, что отец не хотел уходить из этого театра. Он из него и не ушел.

Существует такая традиция: человека, который работал в Большом, провожают в последний путь из белого фойе. Там идет гражданская панихида, а потом его везут на кладбище. Именно из театра. Поэтому душа отца, думаю, осталась в этом доме все равно.

— Ваш отец был очень тяжелым человеком?

— Не простым. Многие люди его боялись, в хорошем смысле этого слова. Он ненавидел непрофессиональных людей, мог быть с ними резок, придирчив.

— А как он относился к вам?

— Отец всегда был строгим. Ему было очень сложно доказать, что мы с Илзой чего-то стоим. Но, наверное, так и нужно было. Потому что на деле мы доказывали, что можем больше.

— Марис Эдуардович так и не

признал в вас профессионала?

— После спектакля "Деревянный принц" он позвонил мне и сказал: "Теперь я вижу, что ты можешь танцевать "Жизель". После этого я понял, что отец меня принял.

— Насколько я знаю, отец с вами практически не занимался.

— Я бы так не сказал. Нам с Илзой было достаточно того времени, которое он нам уделял. Этого вполне хватило, чтобы воспитать из нас профессионалов с одной стороны, с другой — нормальных людей... Мы много с ним играли, в какие-то необычные игры. Помню, как отец привез мне первый скейтборд. Я даже не знал, как с ним обращаться. Такая досочка на колесиках. Мне тогда лет 13 было, наверное. Я учился кататься на улице Неждановой, теперь это Брюсов переулочек. Все подходило в каком-то шоке посмотреть на мальчику на непонятной доске.

— Ноги сломать не боялись?

— Нет. Дети о таких вещах не думают. Падают, встают. За свою жизнь, а это 40 лет практически, я ни разу не падал на скейте, а в своей профессии получил несколько серьезных травм.

— Ваш отец был свободлюбивым человеком, за что власти его не

ле этого куда бы уже не выпустили. И вот я пошел к руководителю партийной ячейки спрашивать разрешения. Предупредил ситуацию. Но меня это не тяготило. Я был и октябренком, и пионером, и комсомольцем. Мы входили в коммунистическую ячейку, должны были чего-то доказывать. Знать политинформацию. У нас была такая жизнь, это не потому что я свято верил в идеалы ленинизма-коммунизма. Меня не выпускали в Австрию, потому что я не знал, где в Западной Европе "першинги" находятся. Меня вызвали сначала в райком партии и сделали такой втык, потом — к директору. И директор спросил, хочу ли вообще работать и выезжать.

ИЛЗЕ

Андрис старше своей сестры на год и два месяца. Они всегда вместе. Учились в одном классе. Работали в одном театре, танцевали на одной сцене.

— Говорят, что маленькими вы с Илзой постоянно дрались. Это так?

— Да. Но я думаю, что все дети дерутся. По любому пустяку. Из-за игрушек, карандашей, даже из-за родителей. Мы с ней дома постоянно строили театр. Возводили что-то наподо-

Когда Ксюша только родилась, оба родителя взяли годовой отпуск. Согласитесь, что для артистов балета это практически подвиг.

любивали. На семье это как-то сказывалось?

— Нет. Тогда из-за этого были практически у всех проблемы. В том числе и у меня. Когда началась горбачевская оттепель, нас стали приглашать на какие-то приемы и выступления. В первую очередь мы должны были посоветоваться с руководством, а оно часто говорило: нет. Все решало через партийную организацию. Уход из театра, приход. Помню, Нурев пригласил меня на премьеру "Золушки". А в то время, если бы тебя увидели подходящим к Гранд-опера (Нурев был ее директором), то пос-

было сцены, ставили спектакли. Все было разбросано: коляски, игрушки, подушки. Развешены простыни, к которым были прикреплены елочные гирлянды. Красота. А мама приходила, театров не хотела, а хотела, чтобы все было убрано. Нас даже наказывали за это.

— Как старший брат, заботились о сестре?

— Да нет. У нас старшинства не получилось. Уже во взрослом возрасте, сегодня, когда я ставлю спектакли, снимаю кино, делаю для Илзе специальные номера, старшинство вылезает.

— Между вами не было соперни-

Андрис считает, что серьезно заниматься балетом нужно с 10 – 11 лет. Поэтому свою дочь Ксюшу репетициями не утомляет.

кольском соборе...
— **Андрис, вашей дочери Ксюше уже три года...**

— Три с половиной.

— **Илзе вышла на сцену в пять. Ксюша не собирается повторить судьбу тети?**

— Я не знаю. Если получится... Честно говоря, мы не будем ее заставлять идти в балет, если захочет — ничего нам не будем запрещать.

— **Но вы с ней занимаетесь?**

— Специально — нет. Балетом нужно начинать заниматься серьезно

Андрис любит мечтать. И что главное — свои мечты он сам и исполняет. Вот только задумал новогодний фестиваль, макет сцены уже готов.

чества? Все-таки занимаетесь одним делом?

— Ну, когда два мальчика — это да, а когда мальчик с девочкой — они вроде бы и не пересекаются. Мы всегда вместе работали...

— **Как вы считаете, кому из вас становление в профессии далось сложнее?**

— Мне было немножко проще, потому что я сразу попал в труппу Большого театра, на конкурс, и смог доказать, что я чего-то могу. Илзе пришлось еще три года пробиваться в саму труппу. Сделали такой чейнч. Отцу предложили уйти, а за это взяли дочку в театр. Это был такой достаточно жесткий ход для отца, ему пришлось бросить Большой, чтобы уступить место для Илзе.

КСЮША

Со своей женой Андрис познакомился в Мариинском театре. Любитель релатировать поздно вечером, когда никто не мешает, пришел в зал и обнаружил там занимающуюся Катю. Их роман длился пять лет. А потом они тайно обвенчались 22 мая в Ни-

лет в 10–11. И это будет правильно. К этому возрасту у ребенка уже сложился костяк, организм готов к нагрузкам. А чем раньше начинаешь, тем сложнее с этими нагрузками справиться. Чаще всего это отражается на росте и на косточках ребенка. Если он в 5–6 лет начинает вставать на пальцы — это плохо.

— **Вы хотели крестить дочку в Германии, где живут родители жены, но ваш духовный отец вам запретил, и крещение проходило в Москве. Вы часто обращаетесь за советом к духовнику?**

— Да. Я всегда беру благословение на какое-то дело. В Японии играл в спектакле об Айседоре Дункан Сергея Есенина. И мне там приходилось такие вещи делать... Например, Есенин вешается. Естественно, я обратился за советом к батюшке. На что он сказал: "Все понятно. Это сцена. Но если тебя это тяготит, можешь пойти на исповедь".

— **Вы часто исповедуетесь?**

— Стараюсь... При Мариинском театре была своя часовня, и люди воспитывались в нормальных условиях.

В этом ничего особенного нет для православного человека. Балет — это мирское искусство, да? И мне было приятно слышать от моих духовных наставников, что красота на самом деле — это Божеское проявление. И эту красоту мы можем показать. И мне это очень важно. И если ты занимаешься нормальным делом, просишь благословение. Если тебя благословили, то я понимаю, что все получится.

— **Свой фильм "Возвращение Жар-птицы" вы повезли на премьерный показ специально во Владимир, где живет ваш духовник отец Иустиан?**

— Он большой друг нашей семьи. А во Владимире есть хороший кинотеатр, и такие мероприятия там не редкость. Туда приезжает вся культурная элита. И я действительно повез свой фильм на премьеру именно туда. И я очень рад, что мы туда ездили.

— **Снимая этот фильм, вы были и режиссером, и актером, и скульптором, и даже плотником?**

— (Смеется.) Да, молотком приходилось работать, и красил, и прибивал, и лепил. Много чего делал. Потому что режиссер должен уметь все. И если кто-то не знает, как подвесить полог, надо пойти и его подвесить. Я достаточно активный человек, и для ме-

ня это не проблема... Когда мы ездили во Владимир, получилось так, что в этот день разбили окно в моей машине. Мне пришлось закрыть окно картоном, заклеить его скотчем. И на такой машине я поехал на премьеру. Ночевал в Богородице-Рождественском монастыре. Два дня показывал этот фильм. Было действительно потрясающе. Любителей балета очень много, а попасть в Большой театр могут единицы.

— **Отец Иустиан видел фильм?**

— Конечно, видел. Я вообще всех своих духовных наставников приглашал. Мне очень важно было их мнение.

— **В православных семьях всегда много детей...**

— Много. А некоторым и одного много. Это понятие растяжимое. Я знаю, что Михаил Фокин был 19-м ребенком. Я не знаю, есть ли сегодня в Москве семьи с таким количеством детей. А у Фокиных их было 22! И это считалось нормальным. Сейчас два, три, четыре уже много. Я говорю об этом не потому, что этого делать не надо. Просто у нас действительно серьезная работа. Мы молодые родители, посмотрим, насколько нас хватит. Ксюше почти четыре годика, дай Бог, чтобы все было нормально и дальше. И мы не будем останавливаться на достигнутом.